

УДК 165

А.Ю. Нестеров

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ЕЁ СТРАТЕГИИ И ПРОБЛЕМА
НЕДОСТАТОЧНОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ**

С позиций общей семиотики рассматриваются определение интерпретации и базовые стратегии интерпретации, включая так называемую филологическую «сильную интерпретацию» Ф. Шляйермахера и так называемую «мягкую интерпретацию», наиболее полно разработанную Г.Г. Гадамером; вопрос о неопределённости значения рассматривается как вопрос о границе интерпретации.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, семиотика, знак, значение.

Интерпретация, её понятие, круг задач и границы приемлемых возможностей являются предметом обсуждения на протяжении всей истории европейской герменевтики. Настоящее рассуждение, построенное в терминах семиотики, имеет целью пояснить возможные в техническом смысле стратегии интерпретации, возникающие при определении этого базового понятия через антитезу интерпретация / понимание, а также показать некоторые ограничения стратегий содержательного истолкования, возникающие при следовании техническим семиотическим моделям.

1. Интерпретация или процедура декодирования знака представляет собой переход от знака к его значению, т.е. реконструкцию обозначаемого знаком объекта или такую семиотическую деятельность субъекта, в которой он использует в отношении некоторого знака не только прагматическое и синтаксическое, но и семантическое правило. Интерпретация – это выбор и применение семантического правила. Вплоть до XX в. интерпретация рассматривалась как понимание в том смысле, что в традиции Августина «переход от знака к его значению» определяется как понимание [1. § 1.1], так что всякая работа с семантическим правилом по определению является пониманием. В лучшем случае можно было определить интерпретацию как процесс, ведущий к пониманию, а понимание – как целевой результат интерпретации, предложив тем самым некоторую ступенчатую модель интерпретационных (семантических) переходов знак – значение, ведущих к означенной цели.

С разработкой и усложнением представлений о семантическом измерении семиозиса необходимо трансформируются и представления о соотношении интерпретации и понимания. Исходным является двухкомпонентное отношение, включающее собственно знак и обозначаемый данным знаком объект, это интуитивно принимаемая в качестве исходной экстерналистская точка зрения здравого смысла, которая требует отождествления интерпретации и понимания. Однако уже в сформулированном Ф. де Соссюром двухкомпонентном отношении означающего и означаемого [2] (где означающее – это собственно знак, а означаемое – место данного знака в системе знаков) отождествление такого рода провести крайне сложно. Для сформулированного Г. Фреге отношения знака, смысла и значения [3], в котором наряду со зна-

ком и смыслом (в терминах Соссюра это означающее и означаемое) учитывается значение как реальный референт знака, подобного рода тождество вообще теряет какой-либо методологический смысл. Сказанное верно и для модели семантики Ч.С. Пирса и Ч.У. Морриса [4], где к трём указанным компонентам добавляется интерпретанта в виде некоторого навыка, позволяющего знаку быть знаком, т.е. осуществлять референцию.

Если мы используем четырехкомпонентную модель семантики, называя значением обозначаемый объект, смыслом – синтаксическое место знаковой (языковой или иной) системы, посредством которого значение задаётся (означивается), знаком – выраженный в некотором субстрате носитель функций обозначения и означивания, интерпретантой – условие возможности для знака осуществлять функции обозначения и означивания, то процедура интерпретации для субъекта семиозиса подразумевает работу со значением, понимание – работу со смыслом (собственно понимание – это обращение выражения, т.е. слушающий нечто понимает там, где говорящий нечто выражает), работа с интерпретантой подразумевает процедуру применения или употребления знака. Данный набор дефиниций позволяет согласиться с мыслью А. Бюлера о том, что «понимание – это всегда правильное понимание (Richtig-Verstehen). Интерпретация, напротив, может быть правильной или неправильной, как минимум успешной или неуспешной. Интерпретирование, таким образом, не обязательно заканчиваться успехом» [5. S.119].

2. Интерпретация как в смысле процедуры поиска субъектом значения знака, так и в смысле её целевого результата, т.е. реализованного семантического правила, в исторической перспективе оказывается подвержена различным ограничениям, отвечающим на требования технической или философской герменевтики¹. Соотнесение процедуры интерпретации с набором ограничений, требуемым той или иной дисциплиной герменевтики, мы в дальнейшем будем называть стратегией интерпретации, понимая под технической стратегией ограничения, накладываемые технической герменевтикой, под содержательной стратегией – ограничения философской герменевтики.

Наиболее существенное отличие в технических стратегиях – это различие в том, что является субстратом знака. Оно отвечает на вопрос, что собственно может быть подвергнуто толкованию, только языковые знаки или в том числе и неязыковые факты. Г. Шольц ввёл эту дифференцию в исторической перспективе как переход от классической филологической интерпретации (так называемой «сильной интерпретации») Ф. Шляйермахера и А. Бёка к «слабой интерпретации», например, интерпретации фактов в свете теории у

---

¹ Различение технической и философской герменевтик и обособление герменевтической философии осуществлено Г. Шольцом, ср.: «Когда мы хотим знать, следует ли нам называть некоторую герменевтику “технической” или “философской”, нам нужно лишь спросить, переводимы ли её высказывания в нормы для толкования. Если, например, Шляйермахер говорит, единичное должно пониматься только из целого, а целое – только из единичного, то из этого следуют императивы, указания. Например, если тебя интересует определённая герменевтика, изучи всю философию её автора... Но если Дильтей говорит, что понимание подразумевает переживание, или если Гадамер утверждает, что всякое понимание опирается на уже «понятое» и понимание означает «растворение горизонтов», то отсюда не следуют никакие правила толкования... Многие конфузы в дискуссии о герменевтике проистекают от того, что не различаются правила толкования и анализ условий понимания, то есть техническая и философская герменевтики» [6. S. 98–99].

К.Р. Поппера [7]. Эта разница определяется ответом на вопрос, где заканчивается интерпретация, т.е. какова цель этой деятельности для индивида, сформулированная в её определении. Если в начале XIX в. Ф. Шляйермахер определяет понимание как обращение говорения¹, то в начале XX в. В. Дильтей определяет его как обращение того способа, которым была дана действительность отправителю интерпретируемого высказывания².

В семиотическом смысле это разница в том, к какого рода субстрату приложимо прагматическое правило употребления знака, влекущее за собой определение синтаксического ряда и правила обозначения. Если интерпретируются только коммуникативные языковые знаки, то сама интерпретация завершается там, где исчерпывается коммуникативный субстрат, так что вопросы об эпистемологическом статусе значения и о способах его фиксации не требуют какого-либо интерпретационного решения, поскольку располагаются за пределами среды коммуникации, в которой работают интерпретационные техники. Интерпретационная техника раскрывается как способ соотнесения релевантных предпосылок философского, политического, бытового и пр. характера говорящего и слушающего в пространстве объективного языкового выражения, т.е. сама по себе она не воздействует ни на предпосылки, ни на их выражение, не определяет их каким-либо образом.

Если техническая стратегия допускает и языковой субстрат знака, и гносеологический, то интерпретационный круг включает в себя все знания индивида, завершаясь лишь там, где на понятийном уровне формируется знание о собственном незнании. Эта сформулированная в явном виде Ч.С. Пирсом идея безграничного семиозиса подразумевает отсутствие каких-либо внешних, несемиотических способов ограничения интерпретации. Соответственно семиозис, его категории и правила получают статус универсального философского метода, применимого к коммуникации, эпистемологии и онтологическим основаниям. Подобного рода универсализация ставит семиотические опосредования в один ряд с техникой снятия Гегеля, требуя, во-первых, формулировки чёткой технической системы семиотических правил, включая их различие для различных прагматических сред, во-вторых, учёта содержательных стратегий, определяющих характер значения в актах рецепции. Вместе с тем одна из наиболее существенных проблем «мягкой интерпретации» связана с учётом значения гносеологического знака: если в рамках сильной интерпретации значение как таковое есть конечная цель, достижимая или не достижимая в той или иной технике, то здесь значение даже для простейших выражений есть знак, замещающий или обозначающий нечто, что по определению не объективируется иначе, нежели как в самом этом акте референции. Это положение вещей усложняет содержательные стратегии даже для элементарных случаев интерпретации протокольных предложений.

Две наиболее влиятельные содержательные стратегии заключаются в различных подходах к контексту, в который должен быть включен интерпретируемый знак, чтобы он мог иметь значение. Обе стратегии разделяют транс-

¹ Ср.: «...dass jeder Akt des Verstehens die Umkehrung eines Aktes des Redens ist, indem in das Bewusstsein kommen muss, welches Denken zum Grunde gelegen» [8. S. 76].

² Ср.: «Das Verstehen ist an sich eine dem *Wirkungsverlauf selber* inverse Operation» [9. S. 264].

цендентную точку зрения на значение знака/текста, подразумевая, что знак или текст обладает значением только в том случае, если обладает местом в некотором внешнем ему ряду или целом¹, однако по-разному понимают характер и функции этого целого. Стратегия понимания автора лучше, нежели он сам себя понимал, сформулированная Ф. Шляйермахером в так называемой «позитивной формуле герменевтики»², требует в качестве контекста рассмотреть историю эпохи автора как реализацию набора грамматических и психологических особенностей с тем, чтобы реконструировать те аспекты авторского высказывания, которые ему самому не были очевидны: в самом простом изложении это требование к реципиенту изучить реализацию семиотических правил в тексте автора, которая была применена им интуитивно. Данная стратегия является каноном филологической интерпретации: филолог знает речь автора лучше, нежели сам автор, в том смысле, что способен увидеть в ней реализацию большего числа правила, нежели видел автор. Подразумевается обнаружение внешним наблюдателем (читателем, филологом) дополнительного к тексту набора фактов или значений, каковой становится фоном для уточнения и конкретизации применяемого в интерпретации семантического правила. Герменевтический круг требует здесь огромной работы по выявлению фактического конкретного материала, ограничивающего интерпретацию знака за счёт выявления исторических и психологических норм; важно, что стратегия понимания речи автора лучше, нежели он сам её понимал, подразумевает не конструирование, а открытие уже существующих значений знака. Соответственно бесконечность интерпретации, о которой говорит Шляйермахер, – это бесконечность филологической работы в оппозиции часть – целое, проясняющей значение текста.

Стратегия понимания автора иначе, нежели он сам себя понимал, предложена Г.Г. Гадамером в знаменитой концепции действенно-исторического сознания и понимания как растворения горизонтов³. «Понимание иначе»

---

¹ Имманентный структурный анализ, требующий извлечения значения текста из него самого без привлечения какого-либо контекста, очевидным образом возможен лишь на узких отрезках историко-философского или историко-литературного материала, в ситуациях, когда сама процедура анализа не рассматривается как внешняя тексту. В методологическом смысле требования имманентного анализа являются несостоятельными.

² Позитивная формула герменевтики Ф. Шляйермахера включает в себя следующие этапы и правила:

(1) объективно исторический и объективно профетический этап («Objectiv geschichtlich und objectiv prophetisch») требует выявления структуры речи как продукта языка в её самом общем отношении к языку эпохи и выявления того, как данная речь сама становится моментом производства языка;

(2) субъективно исторический и субъективно профетический этап («Subjectiv geschichtlich und subjectiv prophetisch») требует выявления того, как речь становится фактом в сознании говорящего, как она воздействует на говорящего, на мысли, содержащиеся в его сознании;

(3) задача на этом этапе формулируется как необходимость «понять речь сначала так же хорошо, а потом и лучше, чем сам её автор», она обуславливается тем, что для самого автора многое в его сознании могло оставаться неосознанным. При этом сам автор с объективной точки зрения не обладает перед исследователем преимуществом, если он является своим собственным читателем;

(4) последний этап требует понять задачу третьего этапа как бесконечную, поскольку то, что мы хотим увидеть в моменте речи, есть бесконечность будущего и прошлого [8. S. 93–94].

³ Насколько мы в состоянии её реконструировать, общая последовательность предлагаемых Гадамером операций понимания следующая: 1) удивление или «затронутость» индивида, вызванное актуальной неспособностью найти для воспринимаемого объекта или ощущаемого переживания соответ-

подразумевает, что значение не существует как факт, intersubjectively доступный хотя бы двум субъектам, так что контекстом в данной стратегии выступает собственно сознание реципиента текста, сложным образом формирующее объект. Если для стратегии «понимания лучше» принцип *aequitas hermeneutica*, требующий предполагать наличие значения у высказывания до тех пор, пока не будет выявлено обратное, является необходимым и выражается в тезисе о конгенитальности автора и читателя¹, то стратегия «понимания иначе», игнорируя конгенитальность, превращает герменевтическую доверительность в принцип «совершенства и полноты», обращённый не к субъекту говорения в его отношении к тексту, а к тексту в его отношении к сознанию реципиента². В семиотическом выражении стратегия «понимания иначе» вводит значение как конструирование объекта в представлении индивида за счёт соотношения смысла знака и некоторого прагматического контекста³.

Классическая «сильная интерпретация» предпочитает использовать содержательную стратегию «понимания лучше», а «мягкая интерпретация» заинтересована в разработке возможностей стратегии «понимания иначе». Комбинации стратегий, их развёртывание, столкновение способов, предлагаемых ими для решения возникающих в практике и теории интерпретации вопросов, создают проблемное поле занятых интерпретацией предметных дисциплин.

3. Один из вопросов, разработка которого серьёзно влияет на развитие теоретических моделей интерпретации, – это вопрос о неопределённом или недостаточно определённом значении знака. Вопрос о неопределённости сформулирован Р. Ингарденом в «Литературном художественном произведении» [11] в виде концепции точек или мест неопределённости, его разработка в рецептивной эстетике подразумевает ссылку на «Акт чтения» В. Изера [12]. «Неопределённость» подразумевает, что в акте рецепции текста или речи, т.е. в коммуникативной ситуации, которая требует от участника интерпретации и понимания, на самом деле невозможно средствами самой коммуникативной среды однозначно задать объекты, к которым реципиентом будет применено семантическое правило. Р. Ингарден располагает область значений в так называемой «конкретизации» интерпретируемого текста, показывая, что одно

ствие в собственном опыте восприятия и переживания; 2) формулировка вопроса, вызывающая обращение к ресурсам языка; 3) «растворение горизонтов» в сознании индивида, т.е. трансформация прагматических правил, регулирующих опыт применения языка; 4) применение языка в соответствии с трансформированным прагматическим правилом для выражения (обозначения) той ситуации, которая вызвала его удивление [10].

¹ В требовании конгенитальности легко увидеть механизм переноса по аналогии для случаев, подпадающих под «привилегированный доступ».

² «... Чудо понимания в большей степени заключается в том, что оно не требует конгенитальности для того, чтобы познать подлинно значимое и изначально несущее смысл в предании. Мы открываемся превосходящему требованию текста, соответствуя в понимании значению, в котором он к нам обращается» [10. S. 316].

³ На примере фикционального знака, значение которого конструируется реципиентом по определению, можно было бы сказать, в стратегии «понимания иначе» синтаксический смысл знака, т.е. некоторое его место в системе, должен быть соотносён реципиентом с некоторым идеалистически, реалистически или эмпирически определённым фоном, чтобы в его представлении возник фикциональный объект, являющийся обозначаемым фикционального знака. Такого рода развёртывание стратегии «понимания иначе» даёт хорошие предпосылки для типологизации художественных объектов и создания непротиворечивой теории художественного образа.

произведение порождает по сути бесчисленное число конкретизаций. Текст произведения содержит в себе маркированные или немаркированные неопределённые места, которые достраиваются, определяются его реципиентом¹. Применительно к коммуникативному знаку «неопределённость» – это тривиальная асимметрия знака, подразумевающая, что план выражения (смысл) обладает меньшим количеством свойств, нежели план содержания (значение), так что задача сильной интерпретации в стратегии «понимания лучше» заключается в снятии неопределённости путём обращения к историческим и психологическим контекстам произведения. Интерпретация завершается тогда, когда неопределённость снята, т.е. идентифицировано значение неизвестных реципиенту слов, раскрыты аллюзии и тропы, показаны обуславливающие их языковые, исторические и психологические контексты, вскрыта мера оригинальности того или иного текста, позволяющая включить его в систему истории литературы или культуры в целом. Таким образом, наличие неопределённости – это условие возможности интерпретации, её снятие – целевой результат интерпретационной работы, в этом смысле технические модели сильной интерпретации от экзегезы Оригена и Августина до правил В. Кюнне и О.Р. Шольца² – это механизмы снятия коммуникативной неопределённости.

Применительно к гносеологическому знаку для слабой интерпретации «неопределённость» – это указание на границу познаваемого. Как ни парадоксально, но в стратегии «понимания иначе» наиболее полно оказываются определены те значения, которые наименее сообщаемы для стратегии «понимания лучше» (т.е. вызывают наибольшие трудности при попытке определения каких-либо объективно данных контекстов): значения фикциональных знаков, художественные образы, значения, подлежащие привилегированному доступу, и т.п. Если факты суть знаки, то чувственное восприятие задано теорией как прагматическим фоном, т.е. некоторой индивидуальной и неповторимой конфигурацией действенно-исторического сознания, которая очевидна лишь самому реципиенту. Граница познаваемого, таким образом, располагается там, где возникает вопрос о «другом сознании», т.е. там, где возникает необходимость применить перенос по аналогии или принцип доверия. Если в методологическом плане сохранять установку мягкой интерпретации, то основной технический вопрос заключается в том, как совместить стратегии «понимания иначе» и «понимания лучше», т.е. технику формирования значения в индивидуальном сознании участника коммуникации с техникой выявления его объективных или хотя бы intersubjectively доступных свойств. Если неопределённость сильной интерпретации поставила проблему значения как проблему соотношения смысла знака и прагматического правила его употребления, снимаемую в зависимости от принимаемой субъектом онтологической установки, то неопределённость слабой интерпретации воз-

---

¹ В структурализме это положение о неопределённости значения рассматривается как тезис о двойной активности текста и читателя в процессе интерпретации. См. [13].

² См. анализ в [14].

вращает нас к проблеме преодоления солипсизма и в целом – к проблеме объективного обоснования знания¹.

Это ситуация, обозначенная М.В. Лебедевым² как «онтологическая неопределённость», подразумевает, насколько мы можем судить, необходимость формулировки новой стратегии интерпретации, требующей не только совмещения эпистемологических и коммуникативных интерпретационных техник в одной интерпретационной модели, но и такого онтологического основания, которое позволяло бы учитывать в каждый момент времени принципиальную заданность значения некоторым прагматическим фоном. Неприемлемость необходимого в сильной интерпретации догматизма, равно и как ведущей к солипсизму субъективистской анархии мягкой интерпретации, требует пересмотра принципиальной границы интерпретации: то место, которое сейчас занимают коммуникативная и эпистемологическая неопределённость в предметных дисциплинах, должно быть занято онтологической моделью недостаточной определённости, которая показала бы некоторую внятную перспективу развития обусловленных понятием интерпретации дисциплин.

Для общей семиотики сказанное означает во многом необходимость возврата к техникам интерпретации, сформулированным так называемой «общей герменевтикой» XVIII в., в первую очередь Ф. Майером [16], включая прояснение приемлемости в современном контексте её онтологических оснований. Однако обсуждение этой перспективы выходит за рамки настоящего рассуждения.

Литература

1. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
2. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 2004.
3. Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.
4. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Степанов Ю.С. (Сост.) Семиотика: Антология. Москва; Екатеринбург, 2001.
5. Bühler A. Die Vielfalt des Interpretierens // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003.
6. Scholtz G. Was ist und seit wann gibt es "hermeneutische Philosophie"? // Dilthey-Jahrbuch. Bd. 8. Göttingen, 1992–1993.
7. Шольц Г. Корни спора о герменевтике // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе. Самара, 2010.
8. Schleiermacher F.D.E. Hermeneutik und Kritik. Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. F.a.M., 1977.
9. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. F.a.M., 1981.
10. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Tübingen, 1990.
11. Ingarden R. Das literarische Kunstwerk. Tübingen, 1960.

¹ Г. Гюнтер со ссылкой на фон Вайцекера поставил эту проблему как мысль о завершении (в смысле Гегеля) развития западноевропейского научного знания: «...Интерпретация физиками того, что есть материя, сегодня достигла точки, где пространство появляется не как предпосылка понятия материи, но как рядоположенная новая реальность физики, по одну сторону с веществом и энергией [...]. Прежняя тематика западноевропейской физики исчерпана. Тема физического бытия рассмотрена в её последних следствиях. Тем самым научная идея нашей культуры исполнена. Если в конце аналитического процесса теоретического мышления те фундаментальные предпосылки и постулаты, которые и приводили весь этот процесс в движение, появляются в качестве следующих результатов, то это знак того, что мышление прошло все возможные для него стадии и ему на этом уровне больше нечего делать» [15. S. 21].

² В устной беседе.

12. *Iser W.* Der Akt des Lesens: Theorie aesthetischer Wirkung. München, 1994.
13. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
14. *Нестеров А.Ю.* Семиотическая схема познания и коммуникации. Самара, 2008.
15. *Günther G.* Die amerikanische Apokalypse. München, 2000.
16. *Meier G.F.* Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. Hamburg, 1996.